

18+

Наталья Тимофеева

СИНЕРГИЯ

СТИХИ

Наталья Тимофеева

Синергия. Стихи

«Издательские решения»

Тимофеева Н.

Синергия. Стихи / Н. Тимофеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505441-8

Говорят, что стихи — это рифмованная проза. Кто сказал подобную глупость, я не помню, знаю только, что поэзия — это песня души. Хорошо на душе, и песня льётся легко, больно за страну, и песня, как крик боли. Всё это есть в моей книге, очень надеюсь, что Вы, читатель, держите её в руках. Я не хочу нарочно кому-то понравиться, а потому пишу исключительно о том, что волнует моё сердце. Возможно, я в чём-то не права, это покажет время, а оно, как известно, — самый строгий судья. С любовью, автор.

ISBN 978-5-00-505441-8

© Тимофеева Н.
© Издательские решения

Содержание

Мои колокола	6
«Он – просто сон, виденье, морок...»	7
«Когда поруганы святыни...»	8
«Столица северная, ты ли...»	9
«Мне кажется, сердце не бьётся...»	10
«Вновь сентябрь метёт с прохладцей...»	11
«Туман в долине безвоздушно-тонок...»	12
«И проклятье, и спасенье ...»	13
«Я больше не пью отраву...»	14
«Берёт меня память за горло...»	15
«Как ревматическая боль...»	16
«Синергия веры и души...»	17
«И в чёрном бреде забытья...»	18
«Плывёт осенний окоём...»	19
«Меды качают. Патокой небесной...»	20
«Как безутешная вдова...»	21
«Вновь россыпью зеркал и глянцем дождевым...»	22
Граду В. Тырново	23
«Скушно, пасмурно и сыро...»	24
«Поглощены любовью розы...»	25
«Редкий дождь студёным крапом...»	26
«Не придут с того света открытки...»	27
«Гром ходил вокруг, да около...»	28
«Меня несло отбойное течение...»	29
«Поднимите мне веки, не вижу...»	30
«Свинцовы сумерки в кровавой опояске...»	31
«Голос тонкий, голос нежный...»	32
«Сны спустились в печные трубы...»	33
Танец Саломеи	34
Монолог ветра	36
Дикари	37
О больном	38
Теория «Большого взрыва»	39
О смерти	40
О мерзости запустения	41
Даже не пытайтесь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Синергия
Стихи
Наталья Тимофеева**

© Наталья Тимофеева, 2020

ISBN 978-5-0050-5441-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мои колокола

Серебряная медь звучанья —
Поют мои колокола.
Великий подвиг обнищанья
С азартом битого стекла.

Бездомен голос их упрямый,
Надменна солнечная медь.
И театральной пошлой драмы
Их языки должны звенеть,

Но чист удар волшебной ноты,
Беспечен голос серебра.
Он полнит горные долготы
Огнём осеннего костра.

И сердца колокол, дичая
И растворясь в тишине,
Меня свободой величает
И бьётся бережно во мне.

«Он – просто сон, виденье, морок...»

Он – просто сон, виденье, морок,
А как взволнован разум мой!
Пусть пройден путь, но так же дорог
Он, как ведущая домой
Тропа от леса до калитки,
Когда редееет солнца свет,
И те чудесные напитки,
Что помню с детства много лет.
Земля красна от земляники,
Гудят набатом комары,
Лучей застенчивые блики,
И щёки нежные мокры,
А сверху дождь грибной – на темя
Бросает капли, словно блажь,
И, необъятно, реет время,
Как чуткий воин, верный страж.
Проснулась с привкусом утраты,
Растаял в небе сон-летун...
Ах, я сама была когда-то
Легка в свои семнадцать лун.

«Когда поруганы святыни...»

Когда поруганы святыни
Кровавым чадом октября,
Когда венчается гордыне
Лоб самозваного царя,
Какого вы хотите мира
В давнишней пагубной вражде?
В улыбке гнусного сатира
Вы отразились, как в воде.
Народ тогда достоин славы,
Когда дерзаний не унять.
Посредь растоптанной Державы
Царём себя назначил тать.
Молчите, данники былого,
Не вы добыли эту честь —
Быть звуками родного слова!
Так пусть вершат над вами месть
Пустопорожный век угарный,
Чьи страшны подлые черты,
И блеск медяшек самоварный —
За ваши глупые мечты!

«Столица северная, ты ли...»

Столица северная, ты ли
Весь этот пестовала смрад
На дне Невы, в придонном иле,
Где шевелится мелкий гад!
И все твои ушли потуги
На власть жратвы и кошелька.
Ты и теперь живёшь в испуге
От вил простого мужика?
Но грянет гром в твоих колодцах,
Откуда небо с кулачок,
Где молодь по обкурке прётся,
Попавшись веку на крючок.
На дыбе пошлости и гнуса,
В кольцо презренья и блокад,
Надеюсь, ты не станешь трусом,
Когда-то храбрый Ленинград?
Мне жаль твоих красот разящих,
Твоих обобранных гробниц
И львов, на набережных спящих,
Перед подонком павших ниц.

«Мне кажется, сердце не бьётся...»

Мне кажется, сердце не бьётся,
И лимфа застыла, как лёд.
Вселенная – днище колодца,
Куда ветер душу несёт.

И горлицей плачет и свищет
От горькой своей нищеты
Душа над родным пепелищем,
Где ей померещился ты.

Откликнись, опомнись, бывшее,
Привидевшись в старом саду,
Ещё не спалённом бедою,
Ещё не почуяв беду!

Там вишни дремучие торсы
Топорщили, в небо стремясь,
И ели зелёные ворсы
Под белую прятали бязь.

И, саваном снежным одета,
Брела вдоль дороги изба,
И я не слыхала, что где-то
Меня поджидает судьба.

«Вновь сентябрь метёт с прохладцей...»

Вновь сентябрь метёт с прохладцей
Жёлтым жухлым помелом.
Мне ли сумрака бояться,
Мне ли плакать о былом!

Ветра резкие порывы
Танцу буйному сродни...
У бездонного обрыва
Я свои окончу дни.

Я смотрела в бездну ада,
Не кляня и не браня,
И теперь с вниманьем гада
Бездна смотрит на меня.

«Туман в долине безвоздушно-тонок...»

Туман в долине безвоздушно-тонок.
Плывёт селенье в мятном молоке.
И горлица рыдает, как ребёнок,
И гаснут звёзды талые в реке.

От месяца остался призрак бледный,
А с колокольни канул первый звук
И растворился в нежности рассветной,
Как окончанье всех сердечных мук.

Фарфорово над миром твердь синела,
Кадильно убывали облака,
«Аминь, аминь» – во храме дева пела,
Огонь свечей подрагивал слегка...

Не эту ли гармонию земную
Искала я, заблудшая во тьме?
Я лишь Тебя, Спаситель мой, взыскую,
И каждый новый день – наградой мне.

«И проклятье, и спасенье ...»

И проклятье, и спасенье —
Память утлая моя.
Я забыла невезенье
И далёкие края.

Я простила всех без злости,
Пожелала всем добра
И готовлюсь к Богу в гости
Без тряпья и серебра.

Я давно не знаю страха
Потерять земной приют.
Сшила белую рубаху,
Ту, что саваном зовут.

Не забочусь о продленьи
Суетливых праздных дней,
Только знаю, воскресенье
У последних ждёт дверей.

«Я больше не пью отраву...»

Я больше не пью отраву
Сомнений, земных обид,
Я здесь не обрящу славу,
Что словно кимвал звенит.

Я здесь не ищу ответа
На самый простой вопрос,
Зачем моя песня пета
С весны до седых волос.

Долгов не копила втуне
И денег не берегла.
Лишь ветер осенний дунет,
Лишь жизнь догорит дотла,

И лягут снега глухие
На куполы и кресты,
Как прилетят вестовые
С незыблемой высоты...

«Берёт меня память за горло...»

Берёт меня память за горло,
Кроит на особенный лад.
Пока все приметы не стёрло
Щекою, подпершей приклад.
Забывчивым проще живётся,
У них, что ни день, то гульба
(И что только дурням неймётся!), —
Не их ведь трепала судьба,
Не их плачут дети-сироты,
Не их сыновей на погост
Влекут, и убийственны ноты
Мотива, что трубен и прост.
Они – миротворцы от Бога,
Мерзавцам не плюнут в глаза.
У них с вегетатикой строго,
В порядке у них тормоза,
По полочкам речи и путчи,
Черёд на борьбу и ходьбу,
Страна их всех краше и лучше,
Хоть честь её – в том же гробу.

«Как ревматическая боль...»

Как ревматическая боль,
Тоска навязчива и слепа,
И вся вселенная нелепа,
И абсолютен только ноль.

И я не знаю, как мне быть
В моей хрустальной оболочке,
Коль нет ни блага, ни отсрочки
И трудно прошлое забыть.

«Синергия веры и души...»

Синергия веры и души,
Синергия звука и пространства, —
Векторы любви и постоянства,
Есть они, и вечность не страшит.

И, когда звонят колокола
Над пустыней плоти человеческой,
Нищим духом в ней укрыться нечем
Без любви и Божьего тепла.

Непричастны радости они,
Движимые мелкими страстями,
И свечей душистыми огнями
Вечность их с собою не роднит.

«И в чёрном бреде забытья...»

И в чёрном бреде забытья
Горит огонь страстей забытых,
Сознанием наглухо укрытых,
Как камнем мёртвая змея.

И, просыпаясь поутру
Осой в паучьей паутине
На полюбившейся чужбине,
Я думаю, когда умру,

Найду ль за гранью тот покой,
Который и во сне не снится,
Иль будут думы-огневицы
Там берeditь рассудок мой?

Когда отвечу за грехи,
За юность, полную безумства,
За зрелость в круге вольнодумства,
За неуклюжие стихи,

Придёт ли полное прощенье,
Освободит ли разум мой
Господь, иль вечное смущенье
Назначит грешнице земной?

«Плывёт осенний окоём...»

Плывёт осенний окоём
В неяркой мгле аквамарина,
Моя приветная чужбина,
Мой, окружённый садом, дом!

О, виноградная лоза,
Отдавшая свой хмель заветный
В долине мира предрассветной
Бутыли чистой, как слеза!

И розы, кланяясь ветрам,
Кричат пронзительно кармином,
Поленья-рыбы у камина
Ждут алой алчности костра.

Прощай, сентябрьское тепло
С плодами дерева познаний,
С последней нежностью признаний
И всем, что в Лету утекло!

«Меды качают. Патокой небесной...»

Меды качают. Патокой небесной
Струится с гор тяжёлый аромат.
В пчелином улье жизни стало тесно,
И каждый перед Богом виноват.

И той вины обыденней, тяжеле
И гуще мёда медленная лень,
Накопленная в каждом зримом теле,
В незримое вторгаясь, что ни день.

Неразделимы та юдоль и эта,
Что здесь посеешь, то пожнёшь потом...
Меды качают. В патоке рассвета
Всё глубже увязает старый дом.

«Как безутешная вдова...»

Как безутешная вдова,
Надвинутое плачет небо.
Смертельна ветра тетива,
Натянутая зло и слепо.

Срывая мёртвую листву,
Поток безумный мчит по кругу
И держит небо на плаву
То ли со зла, то ли с испугу.

«Вновь россыпью зеркал и глянцем дождевым...»

Вновь россыпью зеркал и глянцем дождевым
Сверкает осень в огневой купели.
И виноградный лист лежит на аппарели,
Безкровен и жестян, под небом вековым.

И равнодушен свет, рассеян в облаках,
Пробившись через волглое пространство,
Но янтарями бесподобными убранство
Дубовых древних роц мелькает на горах.

Граду В. Тырново

О городе забыло время,
Ему идёт скалистый шарм.
Здесь Сам Господь рассыпал семя
На каждый выступ, в каждый шрам.
Его глаза следят, сияя,
Своё Творенье бороня,
Ему я вовсе не родная,
Но я – его, а он – меня
Взаимно любим. Он прекрасен,
Он стар, но, как мальчишка, юн
И с первых дней со мной согласен,
Считая фазы древних лун,
Когда они, в выси сменяясь,
Покой над миром стерегли,
И ветры вольные смеялись,
И звёзды таяли вдали...
Моей любви священо бремя,
Я помню всё его добро.
Живу и здравствую меж теми,
Кому родиться повезло
Под небом щедрости Господней,
Где звёзды южные крупней,
А реки света полноводней
В душе измученной моей.

«Скушно, пасмурно и сыро...»

Скушно, пасмурно и сыро,
Ходят громы у реки.
В храме двуголосье клира
Выпевает кондаки.

На погосте ворон чёрный
Примостился на кресте,
И дубовый лист узорный
Треплет ветер в высоте.

А под куполом – сиянье
Ликов, золота, свечей,
И заветное преданье
С ароматом куличей.

Мирно звякает кадило,
Голос дьякона глубок,
И спускается к потиру
Духа белый голубок.

«Поглощены любовью розы...»

Поглощены любовью розы,
Ведь им неведома тоска.
Любые принимает позы
Листва под взмахи ветерка.

А мне спалось сегодня мало,
Хоть и не полная луна,
И брызги звёзд водою талой
Мой лоб омыли ото сна.

По саду призраки бродили
Всю ночь до самого утра,
И за горой собаки выли.
Их песнь из самого нутра

Давнишней удали пещерной
Текла в долину, словно сель,
И время патокой безмерной
Низалось нехотя на ель.

Она своей громадой чёрной
Нависла, простираясь вширь,
Как посреди химеры вздорной
Моих сомнений монастырь.

«Редкий дождь студёным крапом...»

Редкий дождь студёным крапом
Метит жухлую листву.
У котят намокли лапы,
Георгин клонит главу.

Туча бухнет сизым боком,
На плетне скрипят скворцы,
Голос грома вещим роком
Покатил во все концы.

Осы трудятся поспешно,
Нынче сладок виноград,
И, склоняясь безутешно,
Вторит ветру жёлтый сад.

«Не придут с того света открытки...»

Не придут с того света открытки,
Не расскажет мне дед о былом.
Нежить буркнет, что мы – «недобитки»,
Породнённые в тридцать седьмом.

Нежить шибко куражится ныне,
Ей бессменная воля дана,
И она в одичалой гордыне
Власть свою распростёрла сполна.

Но бессмертную душу поэта
Ей и волей своей не догнать.
Не уйти ей от Божьего света,
И белее, и чище не стать.

И никто не минует ответа,
Ибо смерти не миновать.

«Гром ходил вокруг, да около...»

Гром ходил вокруг, да около,
Зрела-собилась гроза...
У Финиста – ясна сокола
Бирюзовые глаза.

В польнье, чернее – чёрного
Реет острое крыло.
Взора глаз его проворного
Не сокроется село.

Он высматривает девицу
У заветного крыльца.
На небесной мелет мельнице
Время судьбы без конца.

Колесо его тяжёлое,
Словно горный монолит,
И обильными помолами
Мир от памяти укрыт.

Сумрак копится и ластится,
Гром всё ближе и сильней,
Ветер треплет, словно платье,
Лоскуток души моей.

«**Меня несло отбойное течение...**»

Меня несло отбойное течение
От этих заболоченных широт,
Оставленных у тьмы на попечение
И гибельных от всех её щедрот.

Со стороны – рассудочно и страшно
На русскую утопию взирать,
Там сорняками зарастают пашни
И поздно над покойными рыдать.

А в храмах золотых не до блаженства,
И чужаки проникли в алтари,
Где митра кроет идол «совершенства»,
И где меняла с посохом царит.

«Поднимите мне веки, не вижу...»

Поднимите мне веки, не вижу
Я давно ничего на Руси,
Чтобы было к духовности ближе,
Чтоб кому-то прибавилось сил
И желания «новых свершений»,
Не похожих на новый грабёж,
Чтобы в смерти былых поколений
Оправданьем не значилась ложь.
Покаяния жаждут потомки
За украденных жизнью этап,
До расстрельной доведенных кромки,
За отчаянье воющих баб,
За детей, порождённых насильем,
Беспризорных, голодных, больных,
Что забыты в камлание кадильном
Палачей-свежевальщиков их.
Лозунг к лозунгу, в славы сиянье
Вновь восходит над Русью топор,
Но не ловит ничьё обонянье
Запах тления. Смотрят из нор,
Словно мыши, терпилы-страдалцы
В ожидании милости зла
По шелчку кровавлённого пальца,
Что страну эту выжег дотла.

«Свинцовы сумерки в кровавой опояске...»

Свинцовы сумерки в кровавой опояске,
И воздух стал медлителен и свеж.
Поблекли тени, и размылись краски,
И колоб лунный масляную плешь

Из-за крутой горы выкатывает важно,
Стараясь вниз на смертных не глядеть,
И пустота фонариком бумажным
Летит к земле, нелепая, как смерть.

А звёзды в ней блистают мелкие, как порох,
Не покидая заданных орбит.
И прошлых жизней поглощая ворох,
Немая бездна властвовать спешит.

«Голос тонкий, голос нежный...»

Голос тонкий, голос нежный,
Скольких ты пленял собой —
Среди зависти безбрежной —
Очарованных тобой.

И теперь, хоть нету мочи
У хозяйки прежних нот,
Но её сияют очи,
Где душа её живёт.

Голос тихий и распевный
Провожает щедрость лет,
И горит её душевный,
Негасимый чистый свет.

«Сны спустились в печные трубы...»

Сны спустились в печные трубы,
Окружили мою кровать
И, целуя глаза и губы,
Стали нежности навевать.

Всё бы им вокруг меня шаманить
И внушать мне иную явь,
Вороша и тревожа память,
Сколько с временем не лукавь.

У былого такая данность:
Год за годом – за слоем слой.
Сколько мне тех годов осталось
На дороге моей земной?

Вещих снов я видала много,
Что сбылось, что легло под спуд...
Как на грош пятаков у Бога
Вас, не верящих в Страшный суд.

Вечность снами готовит душу
К переходу в иной предел,
И уйти я почти не трушу,
Отрешась от бесславных дел.

Только в жалости необъятной
Я смотрю на знакомый свет,
Зная, что не приду обратно,
Ведь обратной дороги нет.

Где-то там, в беспредельной дали,
Где познания зреет плод,
Встречу всех, кто так долго ждали,
Что наступит и мой черёд.

Танец Саломеи

У Саломеи голос звонок,
Прекрасны бёдра, узок стан,
Она почти ещё ребёнок,
Но ей талант соблазна дан.

Она юлой кружит у трона,
Сияют очи, дышит грудь...
И смотрит Ирод возбуждённо,
Не в силах взгляда отвернуть.

Но вот окончен танец девы,
Она склонилась пред царём.
Рабынь протяжные напевы
И пляска – щедрость будят в нём.

На всё готов он для танцорки:
«Скажи, что хочешь ты, дитя?
Рабынь, полцарства? Дам шестёрку
Коней, за танец твой платя?»

Но, обратясь к Иродиаде,
Смиренно та спросила мать,
Чего ей пожелать от дяди,
Чтобы самой не прогадать.

Иродиада, в кубок глядя,
Где винный отблеск будто кровь,
Сказала: «Дочь, покоя ради,
Чтоб посягать не вздумал вновь

Никто на счастье наше, надо
Просить Крестителя главу.
Нам будет славною награда,
Что кончит дерзкую молву»...

И голову внесли на блюде,
И положили к их ногам...
Тетрарх, велик и неподсуден,
Угоден девам и богам,

Сидел с предчувствием неясным,
Растерян, мрачен и незряч,
А всё вокруг затмилось красным,
И в шуме пира мнился плач...

Но наваждение пропало,
Залито кубками вина,
И ношу страшную держала
Девушка, сшедшая с ума.

И всё обыденным казалось,
Но тронул стрелки новый век,
И время истиной пронзалось,
Что нёс нам Богочеловек.

А мы, забывчивы и грешны,
Танцуя в вихре бытия,
Никак из нашей тьмы крошечной
Своё не высвободим "я".

Монолог ветра

Я – мощь пространства, сила шторма,
Я создан мыслию Творца.
Мне не знакомо слово «норма»,
Бываю я быстрее свинца.

Я и ласкаю, и пронзаю,
Я с ног сбиваю, как шрапнель,
Я песни жалобные знаю,
Я вою, словно дикий зверь.

Я в головах бушую знатно,
Меня не ждут, я тут как тут.
Я паруса треплю о ванты,
Я не даю затеплится трут.

Пласты сдвигаю я эфира,
Играя, туч пасу стада,
Я вихрь стремительного мира,
Я – разрушения страда.

Но без меня полушки стоит
Ваш заболоченный покой, —
Ваш смрад дождями не омочит
В бетонной клетке городской.

Вы без меня в дыму и гари
Дышать не сможете ни дня...
И я лечу-свищу в угаре,
А вы вольны бранить меня.

Дикари

Оставьте дикарей наедине с собой,
Авось, они сойдутся для потехи.
Издав победный клич, дикарство рвётся в бой,
Заведомо уверено в успехе.

Вокруг бушует мир, растёт, как на дрожжах,
Он так далёк от каменной пещеры!
Но радостен дикарь, когда внушает страх,
Ни в чём и никогда не зная меры.

И пусть на нём блестят погоны-ордена,
Иль фрак наглажен – видится сиянье,
Душа его на все пропала времена,
Поскольку не работает сознание.

Дикарь диктует вслух весь перечень побед,
Каких достиг его далёкий предок,
Дикарь желает свой оставить в мире след,
Дикарством заразив невинных деток.

Оставьте дикарей в их замкнутом строю,
Не лезьте к ним, – советы бесполезны.
Их не пускайте в дом и вотчину свою,
Отсыпьте им объедков безвозмездно.

О БОЛЬНОМ

Чем больше провалов, тем больше амбиций,
Ведь так горделива плебейская спесь!
И впрямь, на московии есть чем гордиться,
Особенно, если плебеев не счесть.

Играет перстнями созвездий Создатель,
И времени реки незримо текут,
А разума звук в словоблудия вате
Утоплен давно там, где верят и лгут.

Враг тот, кто глаголит слепцам о рассвете,
Кто сердцем не празден, кто болен душой
О том, что за всё расквитаются дети
В стране, где сочится из рупоров гной.

Плачевны и гнусны слова обещаний,
Что слышатся нынче с московских холмов,
Рабы феодалов вконец отощали,
Но верят пока что в возвышенность слов.

Терпение их и завидно, и сладко
Для жирных, бессовестных, наглых скотов.
Плебейское царство на глупости падко,
Так пусть себе. Праздник для смердов готов.

Осталось немного до полного краха,
Когда от страны вдохновляющих скреп
Останется горстка державного праха,
А сверху воссядет антихрист, свиреп.

Теория «Большого взрыва»

Известно ли смертным величие Замысла Бога?
Сравнимо с бессмертием знание, вечность права.
Учёных мужей от начала творения много,
У всех есть теории, – их не вместит голова, —

Одни лишь догадки, сравнимые с малостью шага,
Но горд человек, он неистово спорит с Творцом.
Всё выдержит время, учёный дурак и бумага,
И бравый поэт с удивительно умным лицом.

Придуманный мир для детей и неряшливых взрослых
Сияет огнями, летит в пустоту без помех...
Не жаль дураков легковерных ни тонких, ни толстых,
Что верой в подделки у Господа вызвали смех.

Ведь мир и без нас устоит на китах мироздания,
Ему незнакома поспешность и чужд непокой.
И только Творец полнотой обладает дерзанья
В прекрасной гармонии, созданной вечной рукой.

О смерти

Смерть сказала мне: «Не бойся, —
Раз придя ко мне во сне, —
Ни о чём не беспокойся,
Не нужна ты нынче мне.
Час наступит, я прицелюсь
Жалом в сердце, и тогда
Ты свою забудешь смелость,
Обещаю, навсегда».
Я ответила: «Пожалуй,
Пред тобой дрожат цари...
Но своим водила жалом
От зари и до зари
Ты лет двадцать, мне хватило
Передумать много дум.
Я тебя уговорила
Не стараться наобум,
А прийти однажды утром
Честь по чести, в самый раз
Для тебя, такой премудрой,
Предрасветный, мёртвый час.
Будет новое начало
Для меня в твоей праще!»
Смерть немного помолчала,
И сказала: «Ход вещей
Без тебя я знаю туго,
Мне советы не нужны,
И тебе я не подруга,
Хоть в твои являюсь сны.
Но однажды жди привета
Из моих пустых глазниц,
Я приду к тебе до света,
До рассветных багряниц!»
И проснулась я под шорох
Закононого дождя...
Эхом в призрачных декорах
Голос мнился, уходя
Из сознания, уютом
Вновь пахнуло от печи,
Лишь, туманной мглой окутан,
Пасмы струек дождь сучит...

О мерзости запустения

Животворящ твой дух весенний,
От сна восставшая земля!
Одна ты нынче во вселенной,
Сапфир прекрасный, боль моя!

Расстроен взор мой небреженьем
Людским к роскошества твоим.
Не озабочены служеньем
Творению, всё в чёрный дым

Мы обращаем, ног не чуя,
Во имя золота и зла.
И смерть, под твердию кочуя,
Сама, как чёрная зола,

Идёт по прежде пышным нивам,
Как по разбомбленным краям,
Где хатки брошенные кривы,
Где нет гнездовой журавлям.

Всё тонет в мусоре и гнили,
Всему приходит крах, и прах
Эпохи стать живым не в силе,
И только пепел на губах

У человечества. Прощенья
Оно не ищет за грехи.
Господь печален, чуждый мщенья,
Давно глаза его сухи,

Он слёзы выплакал по Сыну,
Чья Жертва нам пошла не впрок.
Жизнь катит глупости лавину
И скверны мерзостной поток.

Мрак запустенья смотрит страшно,
И веры светоч хладно-слаб,
А мир, кривляясь бесшабашно,
Засунул в горло правде кляп.

Я б сердце вынула наружу
Во имя правды и добра,
Но с ними люд совсем не дружен,
Ища лишь благ и серебра.

Даже не пытайтесь

Не пытайтесь втянуть меня в новый скандал,
Я бесед не копирую, склок не терплю.
Где-то кто-то кому-то по чести воздал,
Ну и ладно, я сплетен о том не коплю.

Ненавижу смотрящих, стучащих, больных
На всю голову, борзых и прочую шваль.
Просто хочется рвать и метать от иных,
Но прощаю и мимо иду. Не скандаль

Злая тётка в советских с начёсом трусах,
Не скандаль со мной, «юноша», грозный на вид!
Вы плывёте в век прошлый на всех парусах

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.